

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается проблема опоры на родной язык. Переход с одного языка на другой, с психологической точки зрения, есть в наиболее общем случае смена правил перехода от программы к ее реализации. Этот переход не может быть, конечно, осуществлен сразу фундаментальным образом, то есть путем одновременного и одномоментного переключения старых правил на новые. Человек способен сразу заговорить на иностранном языке. Он должен пройти через ступень опосредованного владения иностранным языком. Опосредствующее звено — система правил реализации программы, выходящая в родном языке. В дальнейшем эта система правил все больше редуцируется.

Ключевые слова: опора на родной язык; порождение; осознание; языковое сознание; каналы понимания речи; внеязыковое содержание замысла; речевое общение народа.

Речь пойдет о том, что в методике обучения иностранному языку именуется проблемой опоры на родной язык. Мы привыкли, к сожалению, что в большинстве сочинений на эту тему она сводится к простому наложению системы одного языка на систему другого языка и анализу несовпадающих фрагментов. Это как раз то направление, которое Е.А. Брызгунова называет сопоставительным изучением фонетических систем двух языков. О недостатках работ по сопоставительной грамматике и фонетике в 1969 г. писала В.Н. Ярцева, с которой нельзя не согласиться. Она указывала, что большинство авторов ограничивается формальным описанием избранного языка, сначала в одном языке, а затем в другом, не ставя вопроса о функциональной значимости данного грамматического явления для изучаемого языка и места в грамматической системе языка в целом.

Это было сказано о работах собственно лингвистических. Насколько, однако, то же самое верно применительно к работам, направленным на обучение языку, можно легко убедиться, взяв в руки хотя бы брошюры Л.Л. Бабаловой «О характерных особенностях русского языка в сопоставлении с английским языком» и В.Н. Ванеевой «О характерных особенностях русского языка в сопоставлении с французским языком», изданные в 1962 г. Университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Однако даже ликвидация отмеченного В.Н. Ярцевой недостатка, то есть введение в сопоставительную грамматику и фонетику принципа системности, не даст нам требуемого оптимума. Дело в том, что сопоставление результатов порождения речи само по себе бесполезно для обучения. Сопоставление для целей обучения заключается в последовательном сравнении операций, производимых нами на разных уровнях порождения и осознания речи, анализе их психофизической природы и обусловленности нахождения тех доминантных особенностей, изменение которых легчайшим путем приведет нас к требуемому изменению результатов данных процессов.

Переход с одного языка на другой, с психологической точки зрения, есть в наиболее общем случае смена правил перехода от программы к ее реализации. Этот переход не может быть, конечно, осуществлен сразу фундаментальным образом, то есть путем одновременного и одномоментного переключения старых правил на новые. Человек не может сразу заговорить на иностранном языке. Он должен пройти через ступень опосредованного владения иностранным языком. Опосредствующее звено — система правил реализации программы, выступающая в родном языке, которая в дальнейшем все больше редуцируется.

Конечным «пунктом» этого процесса редукции одновременной автоматизации является установление прямой связи между программой и системой правил языка, что соответствует полному владению иностранным языком, способности думать на иностранном языке.

Описанные выше возможности опоры на родной язык, в сущности, сводятся к определенному заранее известному алгоритму действий, обеспечивающих оптимальный путь редукции и автоматизации.

Язык предполагает набор средств для выражения мысли; в каждом отдельном случае нужно выбрать одно из них. Но основание для выбора часто не указывается. Первая задача построения речи на иностранном языке состоит в том, чтобы учесть фактические обстоятель-

ства намечаемого сообщения и соотнести их с грамматической формой изучаемого языка. Итак, практическая задача (найти объективные обстоятельства для разумного построения речи на иностранном языке) приводит к необходимости различения двух форм общественного сознания — познавательного и собственно языкового, когнитивного.

Языковое сознание каждой лексической и особенно грамматической категории — это совокупность значений всех ее форм, представленных в естественных языках всегда ограниченным набором и в четком отнесении к определенным условиям их применения. Своеобразие языкового сознания особенно ясно выступает при сопоставлении этих значений в нескольких языках, где формы одной и той же категории имеют разное значение, а также при сопоставлении всегда ограниченного набора этих лингвистических значений с неограниченным множеством лингвистических свойств и отношений самих объектов. В речи как особом виде человеческих действий отражения внеязыковой действительности служат средством воздействия говорящего на слушающего. В силу этой функции речи языковые значения отражают внеязыковую действительность следующим образом:

- 1) пристрастно;
- 2) с указанием тех обстоятельств, которые узаконены в языке и обеспечивают однозначность сообщения.

Когнитивное сознание — продукт познания вещей (объектов). Достоинство когнитивного сознания — его истинность, которая проверяется практикой.

В отличие от когнитивного языковое сознание сложилось как средство совместной деятельности. Достоинство языка, а следовательно, и языкового сознания проверяются эффективностью сообщения, мерой совпадения поведения адресата с тем, что говорящий ожидает от своего сообщения. Языковое сознание стремится не к полноте отражения действительности, а к принципиальному набору таких средств сообщения, которые в установленных обществом условиях придают определенную характеристику объектам и тем обеспечивают желаемое их понимание и соответствующую реализацию в речевом поведении.

Когнитивное сознание — познавательные образы являются отражением вещей и призваны обслуживать действия с вещами. Каналом познания данных образов являются органы чувств и логическое мышление. Основная характеристика образов — истинность. Критерий — практика как согласование фактических результатов с тем, что ожидалось в соответствии с исходным представлением о вещах.

Языковое сознание — это отражение интересов и условий сообщения мысли другими людьми, что призвано обслуживать организацию совместной деятельности и достигается путем определенного освещения в речи того положения вещей, с которым должен считаться слушающий, и оно ему неизвестно или представляется иначе. Каналами понимания речи служат не только органы чувств и не столько мышление, сколько сопереживание слушателем речевого сообщения, а для говорящего критерием правильности избранного построения речи является соответственное поведение адресата цели речевого сообщения.

И речь, и познание служат для ориентации субъекта. Но области ориентации разные, хотя у человека это предметная деятельность всегда общественная, совместная по организации. Речь помогает слушателям определиться в совместной деятельности с говорящим, а познание — в целенаправленности преобразований объекта. Совместная деятельность и производство полезного продукта — качественно разные области.

Лингвистические формы, например, артикли и видовременные формы глагола, требуют учитывать при использовании не только объективное содержание замысла, но и обстоятельства его сообщения. При этом каждый естественный язык всем набором формальных средств, каждой своей категорией принимает во внимание лишь некоторые обстоятельства, в разных языках разные. Так, при выборе артикля для существительного в английском языке необходимо отдать себе отчет, идет ли речь об отдельном предмете (стол, стакан), известен ли он адресату, но для решения проблемы артикля совсем не важна категория рода, а в русском языке требуется обязательно указать род существительного (стол, стакан) и с ним согласовать глагол. Перейдем к видовременным формам английского глагола. Неопределенная форма английского глагола означает вовсе не то, что действие было неопределенным, а лишь то, что говорящего интересует только время действия, а другие характеристики глагола остаются без внимания. Действие всегда является процессом, но *continuous* ставится лишь в том случае, когда говорящий хочет подчеркнуть его процессуальность [Гальперин, 1965].

Словом, даже в этих относительно простых случаях выбор надлежащей формальной структуры языка диктуется не столько предметным содержанием замысла, сколько обстоятельствами речи, которые должен учесть говорящий. Для этого нужно сначала представить себе весь набор форм используемой грамматической категории, уяснить

их значение (с учетом обстоятельств, которые предполагает каждая из них) и затем примерить, как эти значения фактически отвечают обстоятельствам намечаемого речевого высказывания. Расхождение между значениями формальных структур, знаков языка и представлениями и понятиями предметного содержания замысла выступает особенно ясно в тех случаях, когда дело обстоит еще сложнее, чем в случаях артиклей и видовременных форм английского глагола.

Предметное содержание замысла находится вне языка: говоря по-русски, мы не думаем, что стол или стакан — «мужчины», хотя и считаем, что сказать о них «она» было бы неправильно не только с точки зрения грамматики, но и логики, так как мысль не существует вне языка, а в русском языке род имен существительных и прилагательных служит важным указанием на связь слов в предложении, обеспечивает однозначность речевого оформления мысли. Без такой речевой организации мысль теряет определенность своего содержания. В собственно лингвистических значениях внеязыковое содержание задуманного отражается не только по мысли, то есть по ее предметному содержанию, но и по исторически сложившимся требованиям языка и однозначности речевого сообщения, его выражения и понимаются [Шпет, 1996].

Известное количество свойств можно выделить в действии, однако каждый естественный язык определяет и обозначает только некоторые из них и опускает другие свойства. Нельзя пополнить виды русского глагола видовременными формами английского языка и наоборот.

И все же главное, конечно, не в численной ограниченности предметных свойств, отмечаемых языком, и не в том, что по содержанию они тоже несколько иные, чем свойства, которые отмечаются в тех же объектах научным мышлением. Главное, что в языке эти свойства органически сливаются с характеристиками совсем иного плана — общественных отношений. Такое слияние разноприродных свойств — вещественных и общественных — в науках о самих объектах недопустимо. А в языке оно как в особом виде человеческого действия служит средством влияния говорящего на слушающего. Особенность же этого воздействия состоит в том, что оно осуществляется не физически, а через такое сообщение о вещах, такое их изображение, которое приводит слушателя к пониманию этих вещей, вырабатывает определенное отношение к ним.

Конечно, в языке закрепляются не одноразовые, а типовые обстоятельства речевого общения народа, говорящего на данном языке.

И естественно, что особенности исторического развития каждого языка ведут к тому, что в сообщениях на разных языках выделяются разные характеристики. Так, в английском и русском языках точки зрения на существенные характеристики действия различны. И от того-то построение речи на этих языках требует не перевода слов одного языка на другой, а перехода с точки зрения одного языка на точку зрения другого.

Для отчетливого выделения языкового сознания нужна картина всей совокупности значений каждой языковой категории, в которой заметно и четко выступают характерные особенности лингвистических значений — их нормативная ограниченность, избирательность (для каждого положения только одно и строго определенное) и обязательность такого выбора. Это несовпадение по содержанию и характеру познавательного и языкового отражения отличает даже отдельное языковое значение от когнитивного представления или понятия о том же объекте внеязыковой действительности. В познавательном отражении этот элемент связан с другими сторонами того же объекта или других объектов и свободно дополняется их ранее не учтенными свойствами. А в языковом отражении, в значении, он связан с интересами воздействия на слушателя через определенное освещение этих объектов, и всякое другое их освещение только мешало бы основному назначению речи. Когнитивное и лингвистическое отражения включены в разные системы: в одном случае — в отношения между вещами; в другом — в отношения между людьми.

В качестве особого языкового отражения значение составляет смысловую сторону отдельной формальной структуры языка — среднее звено между языковым знаком (формальной структурой) и той же частью внеязыковой действительности, которую этот знак обозначает. Связь между языковым знаком и объектом опосредована значением, языковой знак — не признак, не символ и не сигнал внеязыкового объекта, средство сообщения о нем. Уже первоначальное название отдельного предмета, сопровождаемое указательным жестом, представляет собой не увязку звукового сигнала с этим объектом, но акт выделения наглядной картины этого объекта в качестве его значения. В дальнейшем это первоначальное «наглядное значение» языкового знака (названия) включается в ситуации с другими объектами со сходной функцией, в разнообразные отношения с ними и все более теряет наглядность и свое видимое положение промежуточного звена, но тем более утверждается в реально опосредствующей функции. И так как прямой связи между знаком и его объектом нет, то напрямик (без учета

этого невидимого, собственно лингвистического значения) нельзя ни правильно понять язык, ни разумно построить речь на иностранном языке [Гальперин, 1965].

Учет специфики языковых значений предполагает четкое различение лингвистического и когнитивного сознания. Последнее является продуктом познания вещей (лучше сказать — объектов), каковым может быть, в частности, и сам язык, и служит средством, которое может ориентироваться в вещах.

Достоинством когнитивного сознания служит его истинность, проверяемая практикой, планомерным воздействием на вещи и мерой совпадения его фактических результатов с ожидаемыми. Свободное от сиюминутных потребностей, но предусматривающее разнообразное использование когнитивное сознание стремится к полноте отражения своих объектов и открыто для дополнений и даже применений.

И поэтому в каждом отдельном случае своего применения языковое сознание по отношению к внеязыковой действительности является системой закрытой, нормативной, для всех обязательной и однозначной. Каждый естественный язык лишь в той мере открыт для новых средств речевого сообщения, новых нормативов, в какой он улучшает возможности сообщения и руководство поведением с помощью речи.

Языковое сознание является одной из форм общественного сознания, и в этом качестве оно не составляет чего-либо нового.

Источники

- Бабалова Л.Л. О характерных особенностях русского языка в сопоставлении с английским языком. М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1962.
- Брызгунова Е.А. Интонация и синтаксис // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М.: Грамота, 1999.
- Ванеева В.Н. О характерных особенностях русского языка в сопоставлении с французским языком. М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1962.
- Гальперин П.Я. Управление процессом учения // Новые исследования в педагогических науках. Вып. 4. М.: Просвещение, 1965.
- Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1996.
- Ярцева В.Н. Развитие национального литературного языка. М.: Наука, 1969.